

Научная статья
УДК 008+378(092) Троицкая Т.Н.

«Дом ведь ничтожен, коль нет в нем множества лишних предметов...»: к истории вещного мира Т. Н. Троицкой

Тихомирова Елена Евгеньевна¹

¹Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Аннотация. Изучение жизненного мира человека связано с осмыслением повседневности через призму структурно-семиотического и аксиологического анализа бинарных оппозиций праздничного и повседневного, обыденного и уникального (событийного), сингулярного и множественного пластов культуры. Одной из важных составляющих повседневности являются вещи, которые определяются как предметы материальной действительности, обладающие относительной независимостью и устойчивостью существования, они созданы человеком прежде всего для выполнения утилитарной функции. Для вещей, как и для культуры в целом, характерен дуализм, ведь вещь бифункциональна по своей природе, она может удовлетворить как материальные потребности человека, так и духовные, то есть обладает материальным и семиотико-информационным бытием.

С этой точки зрения в статье делается попытка проанализировать некоторые вещи, принадлежавшие археологу, профессору, педагогу Татьяне Николаевне Троицкой, которая большую часть жизни посвятила преподаванию в Новосибирском государственном педагогическом университете.

Ключевые слова: Т. Н. Троицкая; культура повседневности; память; вещь в культуре; символическое значение

Для цитирования: Тихомирова Е. Е. «Дом ведь ничтожен, коль нет в нем множества лишних предметов...»: к истории вещного мира Т. Н. Троицкой // Культурно-антропологические исследования. – 2025. – № 2. – С. 119–129.

Scientific article

“A House is nothing if it does not have a lot of Unnecessary Objects...”: to the History of the World of things by T. N. Troitskaya

Elena E. Tikhomirova¹

¹Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. The study of the human lifeworld is connected with the comprehension of everyday life through the prism of structural-semiotic and axiological analysis of binary oppositions of festive and everyday, ordinary and unique (event), singular and multiple layers of culture. One of the important components of everyday life are things, which are defined as objects of material reality, possessing relative independence and stability of existence, they are created by man primarily to fulfill the utilitarian function. Things, as well as culture in general, are characterized by dualism, because a thing is bifunctional by nature, it can satisfy both material and spiritual needs of a person, i.e. it has

both material and semiotic-informational existence. From this point of view, the article attempts to analyze some things that belonged to archaeologist, professor, teacher Tatiana Nikolaevna Troitskaya, who spent most of her life teaching at the Novosibirsk State Pedagogical University.

Keywords: T. N. Troitskaya; culture of everyday life; memory; thing in culture; symbolic meaning

For citation: Tikhomirova E. E. "A house is nothing if it does not have a lot of unnecessary objects...": to the history of the world of things by T. N. Troitskaya. *Culture and anthropology research journal*, 2025, no. 2, pp. 119–129.

Отмечая 100-летний юбилей необыкновенного человека – археолога, профессора, педагога Татьяны Николаевны Троицкой, которая большую часть жизни посвятила преподаванию в Новосибирском государственном педагогическом университете, невольно вспоминаешь встречи не только в академической обстановке на научных конференциях, заседаниях кафедры, но и в неформальной обстановке личных встреч в домашнем пространстве, в доме, в квартире Татьяны Николаевны Троицкой.

Когда я впервые, будучи еще ассистентом только отрывшейся кафедры истории мировой культуры, пришла к Татьяне Николаевне домой и принесла документы заседания кафедры по просьбе тогда заведующей кафедрой Людмилы Ивановны Дрёмовой, я была поражена огромной домашней библиотекой. Хотя я видела много домашних библиотек, которые были традиционными, обычными, привычными в советской культуре, я отметила про себя, что огромные, до потолка, стеллажи занимали прихожую, коридор, кабинет Татьяны Николаевны. Эти стеллажи содержали не только специализированную литературу по археологии, истории Сибири, культурной антропологии и этнологии народов Сибири, но и множество художественной литературы. Именно тогда, в первую встречу, Татьяна Николаевна мне как преподавателю древних языков подарила сборник стихов великого латинского поэта I века до нашей эры Горация издательства «Академия» 1936 года (рис. 1). Далее последовал рассказ об истории этого сборника. По ее воспоминаниям, эту книгу вывезли из блокадного Ленинграда как реликвию, глубоко личную, любимую вещь. Кто из родственников или близких сохранил эту книгу, в рассказе было не очень ясно, или скрылось в лабиринтах моей памяти. Но с тех пор я всегда с большим трепетом показываю эту книгу студентам как мемориальную вещь, символ высокого духа, победы духовного над материальным.

Эта книга – билингва, то есть на одной странице стихотворения напечатаны на латинском языке, а на соседней странице представлен перевод на русский. В приложении даны переводы самого известного стихотворения Горация «Памятник» на русский язык многими русскими поэтами. Этот сборник для меня приобрел особую ценность, потому что на нем есть автограф Татьяны Николаевны. Будучи историком по образованию, она знала латинский и греческий языки и могла прокомментировать, интерпретировать переводы не только в области археологии вещей, но и в области археологии духа. В заголовок данной статьи вынесены слова Горация: «Дом ведь ничтожен, коль нет в нем

множества лишних предметов...», и это связано как раз с историей появления этой книги в моей домашней библиотеке и в практике проведения уникальных коммеморативных событий на кафедре теории, истории культуры и музеологии Новосибирского государственного педагогического университета.

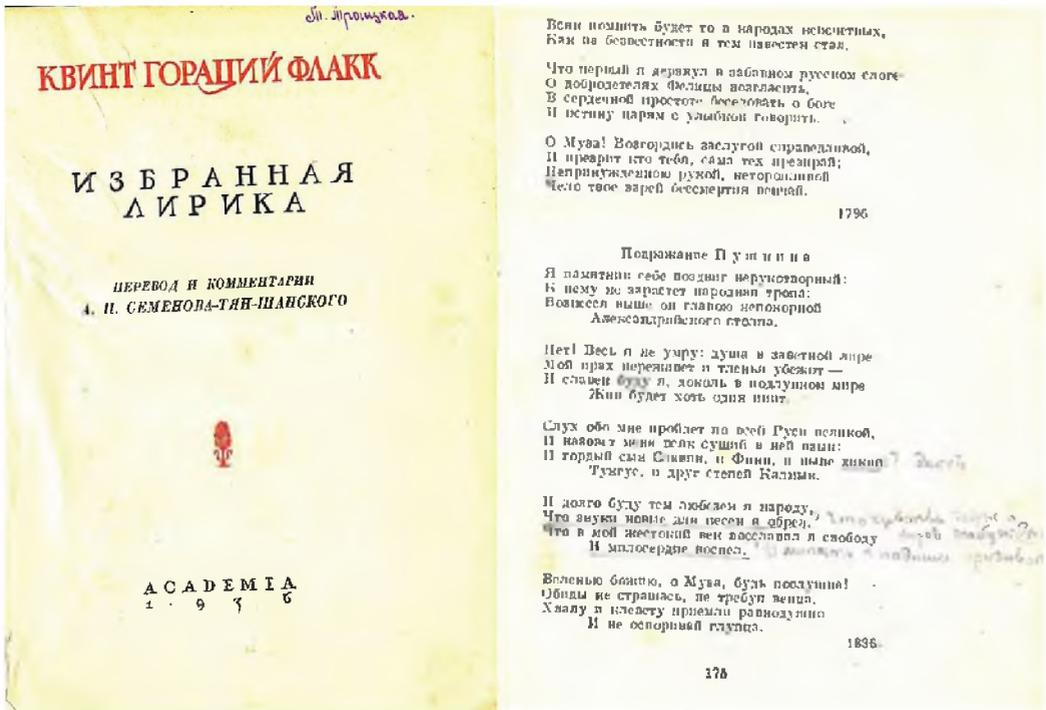

Рис. 1. Книга Горация с автографом Т. Н. Троицкой

Другая вещь, попавшая ко мне неизведанными путями и много лет принадлежавшая Т. Н. Троицкой, – набор увеличительных стекол (рис. 2).

Это набор из шести увеличительных стекол: все стекла закреплены на элегантных ручках, стилизованных под старинные приборы. Стекла помещены в общую коробочку с бархатным основанием и прозрачной крышкой. Одно из увеличительных стекол имеет потертости на ручке. Вероятно, именно этим стеклом Татьяна Николаевна пользовалась чаще всего. Глядя на него и через него, мы размышляем о жизни женщины в большой науке и представляем, как она работала с мелкими деталями, увеличивала изображение в книгах, альбомах, на раскопе. Конечно, это увеличительное стекло имеет и символическое значение, оно улучшало четкость и ясность не только при выявлении особенностей артефактов, при определении возраста материалов, их происхождении (например, на древних фрагментах керамики). Но эта лупа определяла также и подлинность человеческих отношений, подлинность красоты, через нее чудесным образом преломлялся мир науки, образования и человеческой сферы.

Рис. 2. Набор увеличительных стекол, принадлежавших Т. Н. Троицкой

Воспоминания о вещном мире Т. Н. Троицкой навели и на некоторые теоретические размышления о вещи в системе культуры.

В каждую вещь, создаваемую или приобретаемую им, человек может вкладывать определенный смысл, в свою очередь вещь также может оказывать на человека культуроформирующее воздействие. Вещь, не имеющая смысла, просто материал, материя становится шарфом, только если ее назовут так и используют для определенной цели. Повседневные вещи выполняют прежде всего утилитарную функцию, затем – знаковую. Человек, ежедневно и непрерывно обитая в мире многообразия вещей, созданных им, является последним, кто понимает этот мир. При этом человек постоянно находится в поиске и формировании себя и своего мира, наделяя окружающее его пространство смыслами и знаками [5, с. 28]. Это вполне логично, ведь поведение человека всегда приводит к созданию каких-либо материальных объектов. Для создания этих объектов человек приобретает огромное количество навыков и умений, изменяя состояние и форму существующих в природе материалов, чтобы изготовить вещь, которая несла бы определенную унитарную или знаковую нагрузку. Поэтому существует интерес к материальной культуре, которая выражается через вещи. Однако отметим, что этот интерес не постоянный, всплеск исследований вопроса, как правило, вызывается определенными событиями в общественной жизни, обычно имеющими высокий общественный резонанс.

В конце XX – начале XXI в. отмечается оживление исследований, касающихся вопросов материальной культуры. Меняется взгляд исследователей и обычных людей на вещественный мир. Если раньше вещи воспринимались как нечто самоценное и изолированное, т. е. их не рассматривали в контексте порождающей и использующей их культуры, то сегодня подход к изучению вещей основан на их системном семиотическом анализе. Основные концепции вещи были изложены в работах Р. Барта, М. Фуко, Ж. Бодрийера [1; 2]. Большим числом исследователей, в частности Ю. М. Лотманом, Г. С. Кнабе, признано, что культуру весьма условно можно делить на «на мир фактов и мир знаков» [4; 6].

При этом данное разделение не является полным, так как существуют объекты, которые занимают промежуточное значение, это объекты, созданные человеком, и прежде всего это вещи. Вслед за М. Эпштейном, создавшим

новую науку – *реологию*, науку о символических смыслах вещей (по-латински вещь – *res*), отойдем от отождествления понятий «вещь» и «предмет». Поскольку предмет может превратиться в вещь только в случае, если в него будет вложен смысл и произойдет ментальное его освоение и присвоение. Этот процесс можно сравнить с превращением индивидуальности в личность в ходе своего самосознания, самоопределения, напряженного саморазвития [14, с. 21]. «Вещь – феномен, который благодаря своей способности аккумулировать в себе традиции, социально-психологические установки, эстетические запросы приобретает аксиологическое звучание», поэтому так важна семиотика вещи, ведь ценности быта и ценности бытия – вот два основных модуса культуры [13, с. 39].

Специфика вещей и их большая важность для человека заключаются в том, что ими может быть одновременно представлена и повседневность человека, и уникальность, к которой он стремится. Вещь бифункциональна по своей природе, она может удовлетворить как материальные потребности человека, так и духовные. Одним словом, вещи – это уникальные артефакты, созданные человеком, которые в свою очередь создают мир, в котором существует человек. Вещи и люди существуют «непосредственно в трехмерном физическом пространстве повседневности, именно оно наполнено предметами и доступно непосредственному практическому освоению каждый день. С физическим пространством связано перцептуальное пространство повседневности, воспринимаемое органами чувств, и концептуальное пространство, наполненное смыслами» [3, с. 28].

В этих пространствах вещи существуют в абсолютной привязанности к человеку, они несут какую-либо информацию только в том случае, если люди ее вкладывают в них, в противном случае это уже не вещь – это просто материал или группа материалов, например, отрез ткани станет шарфом, только если человек его так назовет, и наматает на шею, в противном случае, это все тот же отрез ткани. Говоря словами В. Н. Топорова, «вещь немыслима вне определенного социокультурного контекста, она не имеет ровно никакого смысла за рамками породившей ее культуры и, более того, вещь без человека никому и ни для чего не нужна» [11, с. 54].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что повседневная вещь обладает как материальным, так и семиотико-информационным бытием. Преобразование вещей и знаков в целое и образование их смыслов напрямую связано с процессами человеческой коммуникации. Именно данная связь, точнее ее сложность, обуславливает множественность уровней смыслополагания. В символическом языке вещей можно условно выделить три уровня знаков и смыслов: универсальные смыслы и значения вещей; уникальные микроконтексты бытования символических значений вещи; знаки и символы локальных культур, заключенные в вещах. Отметим, что такое деление вводит вещь непосредственно в семиотику.

Так, в структуре знака первого порядка любой предмет повседневности, прежде всего вещь, несущая свои функции, внешний вид этой вещи соотносится с каким-либо действием, осуществляемым данной вещью или при ее

участии. Так, видя тарелку, человек, безусловно соотносит ее с процессом поглощения пищи. Однако после этого этапа появляется знак второго порядка, который позволяет установить социокультурную принадлежность владельца вещи, например, если тарелка из фарфора, то ее владелец безусловно человек обеспеченный, глиняная тарелка говорит об обратном. Кроме того, существует и знак третьего порядка, так, любая повседневная вещь является знаком определенной национально-исторической культуры.

Как правило, при изучении вещи исходят из того, что каждая вещь создается исходя из необходимости удовлетворения каких-либо запросов человека через ряд функций. Функциональный подход к изучению вещей дает возможность в полной мере постичь социальные и культурные смыслы вещи, выявив ряд ее функций. В научной литературе выделяют следующие функции вещей:

- прагматическая функция – самая древняя и распространенная функция вещи, при ее создании решался прежде всего вопрос практического применения;

- знаковую функцию вещь приобретает только тогда, когда она получает некие ценностные характеристики и передает определенные значения, существенные для культуры;

- эстетическая функция заключается в оценивании вещей не только как объекта удовлетворения ежедневных потребностей посредством очерченного круга функций, но и по красоте. Здесь следует подчеркнуть, что в традиционной культуре любой вещи наряду с утилитарной функцией старались придать эстетическую, вспомним хотя бы вышитые рушники, которые в принципе несли свою функцию и просто в роли отреза ткани, но украшенные богатой вышивкой становились красивыми, кроме того в эстетическую функцию часто включается знаковая: так, у каждой семьи был свой вышиваемый узор;

- игровую функцию несут строго определенные вещи или в определенных ситуациях. Прежде всего ее несут детские игрушки, также сюда относятся бутафория и некоторые ритуальные предметы. Обозначим главное отличие игры: в ней вещь не несет утилитарного назначения, даже в том случае если в игре используется реальный предмет или его прототип, и он «понарошку» реализует утилитарную функцию (ребенок раскатывает скалкой несуществующее тесто). Самым известным очевидным предметом с игровой функцией с древнейших времен являются куклы [8];

- духовная функция наиболее специфическая, ее выполняют преимущественно объекты архитектуры и декоративно-прикладного искусства, вещь в этом случае – вместилище духовного смысла, в случае если вещь при этом несет знаковую функцию, то говорят о сосуществовании повседневной и высокой культуры.

Таким образом, любую вещь можно охарактеризовать как «сгусток» многих идеальных и овеществленных смыслов, функций и процессов, вещь не только часть культуры и окружающего человека мира, но и результат деятельности субъектов культуры, а также продукт требований социально-экономической системы. Это уже способность выразить «общественные нормы», а значит вещь

становится «знаком», в этом случае семиотический (культурный) смысл вещи надстраивается над ее утилитарным значением.

С. Т. Махлина также указывает на то, что «вещи, используемые человеком для ведения повседневного домашнего быта, приобретают, помимо и сверх их утилитарного назначения, функцию выражения определенного космологически цельного мировоззрения» [7, с. 127]. Строительство дома и последующее наполнение его вещами – это по сути одомашнивание вещей и опыта общества в целом и семьи в частности, происходит своего рода народное курирование, посредством чего предметы назначаются местам в доме. То есть в каждом доме все предметы и их расположение в пространстве не просто не случайно, но и представляют собой непростую, часто четко выверенную систему. И эта система, и вещи в ней несут смысл (в спальне кровать, на кухне плита), кроме того непреложный факт, что любая вещь, особенно повседневная, по большей части создавалась прежде всего для удобства человека [15, с. 76].

В культуре постмодернизма, а также в посткультуре о понятии удобства часто забывают, трендовые вещи, возглавляющие *мэйнстрим*, часто несут больше эстетическую или знаковую функцию, откинув утилитарную на второй план. Такая ситуация стала вдохновляющей для ряда художников, призывающих людей относиться к вещам проще и напоминающих, что прежде всего вещи создавались для того, чтобы «помогать» человеку делать свою повседневность удобнее. Так, широкую известность получил проект греческого дизайнера Кэтрини Кампрани «The Uncomfortable», в котором многие предметы повседневного быта человека превращаются в нефункционирующие вещи, которые намеренно сконструированы таким образом, чтобы ими или вообще невозможно было воспользоваться, или использование их причиняло очень большие неудобства [9].

Отметим также, что любой вещественный предмет (т. е. знаковая единица повседневной культуры) одновременно заключает в себе не только конкретный набор функций, но и достаточно конкретный смысл. При этом важно отметить, что набор функций есть внешнее проявление свойств вещи, а внутреннее – ее содержание, и часто оно формируется исходя из функциональности. Поэтому в контексте культуры повседневности нельзя взаимозаменять эти понятия, как и нельзя взаимозаменять понятия *смысл* и *значение*. «Понятие *смысл* имеет достаточное количество определений, в то время как понятие *значение* определяется примерно одинаково. Значение трактуется как постоянная данность, его можно устанавливать и затем знать, а смысл – нечто изменчивое, нерегламентированное, и именно поэтому его приходится искать, выделять, улавливать, разгадывать и т. п. Знак может наполняться разными смыслами при сохранении своего значения» [10, с. 23]. Говоря о шапке, мы понимаем, что это головной убор, чтобы защититься от холода, это в целом. Если спросить конкретного человека о том, что такое шапка, респонденты дадут различные ответы, как раз потому что они вложили в него свой смысл.

Возвращаясь к смыслу, который, как было установлено выше, несет каждая вещь исходя из ее функций, то он «формируется индивидами и коллективами в процессе освоения действительности и коммуникации с окружением, эти

смыслы принято называть культурными смыслами» и рассматривать их в контексте общекультурных проблем, они могут иметь многообразное значение и изучаются семантикой [10, с. 24].

Так что же такое *вещи*, если рассматривать этот термин с точки зрения культуры? Определимся сразу, что вещь – понятие многозначное. Такая ситуация возможна по той причине, что вещь в современном мире обладает не только многими смыслами, но и многими функциями, что связано с культурными, этимологическими причинами. Так, если обратиться к «Словарю современного русского литературного языка», то можно найти определение, которое звучит следующим образом: вещь обозначает понятие о всяком неодушевленном предмете. Вещь – это отдельный предмет материальной действительности, обладающий относительной независимостью и устойчивостью существования.

Можно уточнить бытийные признаки вещи, опираясь на концепцию М. Хайдеггера, «согласно которой предмет (*Gegenstand*) – это определенная форма, которой человек предписывает измышляемые им сущность и свойства, а отношение к вещи (*Ding*) обозначает прислушивание к ее внутренней потаенной сущности. Через вещь бытие самоопределяется в качестве мира, а человек плавно переходит от “присутствия” к бытию-в-мире. Вещь в этом случае это часть бытия, а не только культуры. Это форма в ее чистой непосредственной данности, в которой нет живой души: вещь веществует. В то же время вещь создается человеком и для человека, призвана служить ему и значить для него» [12, с. 327].

В итоге определение вещи звучит следующим образом, вещь – это феномен культуры, который имеет способность накапливать и заключать в себе традиции, социально-психологические установки, эстетические запросы, приобретает аксиологическое звучание.

Таким образом, сделаем вывод, что вещи в современной культуре являются чуть ли не основными слагаемыми, создающими повседневность человека. Все вещи выполняют ряд разнообразных функций: прежде всего утилитарную, но она может дополняться знаковой, игровой и т. д. Однако в любую вещь, принадлежащую традиционной или современной культуре, человечеством вложен некий смысл, формирующий ее знаковость. В современной культуре вещи имеют уникальные и принципиальные характеристики, например – приобретаемость, тиражируемость, технологичность, коллективность потребления. Очевидным является факт, что неутилитарные вещи, начиная с детских игрушек и заканчивая сувенирами, как правило, более «консервативны», так как у них нет особых причин для ускоренного усовершенствования. Более того, именно этот консерватизм, как правило, и является для их владельцев особой ценностью.

Исходя из всего вышеизложенного, смысловая нагрузка каждой вещи в современной культуре выстраивается, с одной стороны, на ее культурной принадлежности, с другой – на индивидуальных особенностях воспринимающего ее человека единством чувственно-воспринимаемых и сверхчувственных элементов, проявляется в одновременном наличии у вещей утилитарной и символической функции и называется культурным смыслом. При этом культурный

смысл вещи всегда обладает динамикой. Динамика в свою очередь бывает горизонтальной и вертикальной. Культурная «вертикаль» являет собой временные рамки, как правило, развитие от глубины времен (или с момента появления) до настоящего времени. В свою очередь культурная «горизонталь» представляет собой многочисленное разнообразие, видоизменение культурных смыслов на текущий момент времени.

Именно через вещи формируется мир повседневности, наполненный вещами настолько плотно, настолько это возможно, кроме того именно этот мир поддерживает коммуникацию людей, объединяя их в группы. То есть вещь является средством межличностного общения. В этих случаях вещь приобретает эмоциональную и смысловую наполненность, и служит способом маскировки или демаскировки человека, такой вещью в современном обществе стал, например, мобильный телефон. Отметим, что человек наполняет вещь тем смыслом, который необходим ему в определенный период и четко отвечает его потребностям [7, с. 112]. В последние несколько десятилетий посредством повседневных вещей человек получил возможность выразить сколь угодно тонкие оттенки своего индивидуального культурного самоощущения и эмоционального отношения к действительности. В современном повседневном мире, наполненном потоками информации, которые постоянно побуждают человека потреблять дары цивилизации, повседневные вещи становятся статусными и имеют место символическое потребление.

Вещи в этом случае дают постоянную отсылку к множеству сформированных современной культурой мифов, становясь самодостаточными настолько, чтобы вписать человека в свою семиотическую систему. То есть человек больше не имеет полной власти над системой вещей, часть системы выстраивают непосредственно вещи. Ускорение этому процессу в значительной степени добавляют виртуализация повседневного и вещественного миров, которые развоплощают саму личность, стирая ее индивидуальность и переводят культурное бытие в симулятивную форму. Современная массовая культура, основанная на медийности и постоянном вращении в информационном пространстве, негативно отражается на повседневной жизни людей и общества в целом [5, с. 65].

Таким образом, особенности и смыслы вещей в современной культуре определяются прежде всего модусами культурного бытия и бытования вещей, среди которых особенно выделяются этический, персонологический, прагматический и семиотический. Вложенные в эти модусы смыслы и знаки не меняются на протяжении долгого периода времени, тогда как сами вещи несут отпечаток эпохи и формируют мир повседневности. В современной культуре вещи занимают особое место, так как многие явления этой культуры существуют по законам рынка, отмечается процесс утраты культурно-творческой позиции, замена ее на позицию потребительскую, в которой активность человека направлена непосредственно на мир вещей, в котором вещи стали партнерами людей по социальному взаимодействию.

Об этом мы размышляем, держа в руках и ощущая тепло мемориальных вещей Т. Н. Троицкой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Барт Р.** Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
2. **Бодрийяр Ж.** Система вещей. – М.: Рудомино, 1993. – 174 с.
3. **Капкан М. В.** Культура повседневности. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2016. – 107 с.
4. **Кнабе Г.** Язык бытовых вещей // Декоративное искусство СССР. – 1985. – № 6. – С. 39–43.
5. **Корнев В. В.** Философия повседневных вещей. – М.: Юнайтед Пресс, 2011. – 250 с.
6. **Лотман Ю. М.** Динамическая модель семиотической системы // Избранные статьи в трех томах. – Т. I: Статьи по семиотике и топологии культуры. – Таллин: Александра, 1992 – С. 76–90.
7. **Махлина С. Т.** Семиотика культуры повседневности. – СПб.: Алетейя, 2009. – 231 с.
8. **Морозов И. А.** Феномен куклы в традиционной и современной культуре: Кросскультурное исследование идеологии антропоморфизма. – М.: Индрик, 2011. – 352 с.
9. Неудобный дизайн повседневных вещей от Катерины Кампрани [Электронный ресурс]. – URL: <https://zagge.ru/neudobnyj-dizajn-ot-kateriny-kamprani/> (дата обращения: 13.03.2025).
10. **Одношовина Ю. В.** Многообразие смыслов мира вещей в культуре // Вестник ЧелГУ. – 2007. – № 14. – С. 22–27.
11. **Топоров В. Н.** Вещь в антропологической перспективе (Апология Плюшкина) // Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М.: Прогресс – Культура, 1995. – С. 7–111.
12. **Хайдеггер М.** Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
13. **Шипулина Н. Б., Щеглова Л. В., Шипицин А. И., Плужникова Н. Н., Елистратова Е. А.** Антропология вещи в городской культуре: концептуальные основы и поиск метода: монография. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2016. – 166 с.
14. **Эпштейн М.** Реалогия – наука о вещах // Декоративное искусство СССР. – 1985. – № 6. – С. 21–22.
15. **Edensor T.** National Identity, Popular Culture and Everyday Life [Электронный ресурс]. – Oxford and New York: Berg, 2002. – 224 p. – URL: <https://www.questia.com/read/103803953/national-identity-popular-culture-and-everyday-life> (дата обращения: 13.03.2024).

REFERENCES

1. Barthes R. Selected Works: Semiotics. Poetics. Moscow: Progress Publ., 1989, 616 p. (In Russian)
2. Baudrillard J. System of Things. Moscow: Rudomino Publ., 1993, 174 p. (In Russian)
3. Kapkan M. V. Culture of everyday life. Ekaterinburg: Ural University Publ., 2016, 107 p. (In Russian)
4. Knabe G. Language of everyday things. *Decorative Art of the USSR*, 1985, no. 6, pp. 39–43. (In Russian)
5. Kornev V. V. Philosophy of everyday things. Moscow: United Press LLC, 2011, 250 p. (In Russian)
6. Lotman Yu. M. Dynamic model of semiotic system. *Selected articles in three volumes*. Vol. I: Articles on semiotics and topology of culture. Tallinn: Alexandra, 1992, pp. 76–90. (In Russian)
7. Makhlina S. T. Semiotics of the culture of everyday life. St. Petersburg: Aleteia Publ., 2009. 231 p. (In Russian)
8. Morozov I. A. Phenomenon of dolls in traditional and modern culture: Cross-cultural study of the ideology of anthropomorphism. Moscow: Indrik Publ., 2011, 352 p. (In Russian)
9. Uncomfortable design of everyday things by Caterina Camprani [Electronic resource]. URL: <https://zagge.ru/neudobnyj-dizajn-ot-kateriny-kamprani/> (accessed: 13.03.2025). (In Russian)
10. Odnoshovina Y. V. The diversity of meanings of the world of things in culture. *Vestnik ChelSU*, 2007, no. 14, pp. 22–27. (In Russian)
11. Toporov V. N. Thing in anthropological perspective (Apologia Plyushkin). *Myth. Ritual. Symbol. Image. Studies in the field of mythopoetic: Selected*. Moscow: Progress – Culture Publ., 1995, pp. 7–111. (In Russian)
12. Heidegger M. Time and Being. Moscow: Respublika Publ., 1993, 447 p. (In Russian)

13. Shipulina N. B., Scheglova L. V., Shipitsin A. I. I., Pluzhnikova N. N., Elistratova E. A. Anthropology of Things in Urban Culture: Conceptual Foundations and Search for Method: Monograph. Volgograd: Volgograd Institute of Management – branch of FGBOU VORANHEIGSPubl., 2016, 166 p. (In Russian)
14. Epstein M. Realogy – the science of things. *Decorative Art of the USSR*, 1985, no. 6, pp. 21–22. (In Russian)
15. Edensor T. National Identity, Popular Culture and Everyday Life [Electronic resource]. Oxford and New York: Berg Publ., 2002, 224 p. URL: <https://www.questia.com/read/103803953/national-identity-popular-culture-and-everyday-life> (accessed: 13.03.2024). (In English)

Информация об авторе

Е. Е. Тихомирова, кандидат культурологии, доцент, заведующий кафедрой теории, истории культуры и музеологии, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1656-521X>, imktikhomirova@mail.ru

Information about author

Elena E. Tikhomirova, Candidate of Culturology, Associate Professor, Head of the Department of Theory, History of Culture and Museology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1656-521X>, imktikhomirova@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 05.03.2025

Одобрена после рецензирования: 16.03.2025

Принята к публикации: 28.03.2025

The article was submitted: 05.03.2025

Approved after reviewing: 16.03.2025

Accepted for publication: 28.03.2025